

ГЛАВА 6. ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО

— Ой-ой-ой, как же я испугался! — Фу Лоу притворно поежился, но в следующее мгновение он злобно оскалился.

Шагнув вперед, он намотал волосы Чан Я на кулак и, заставив того запрокинуть голову, пригрозил:

— Еще раз посмотришь на меня этим своим призрачным взглядом, и я выколю тебе глаза.

Не дожидаясь ответа, он бесцеремонно потащил мальчишку к заброшенной лачуге. Следом, улюлюкая и предвкушая зрелище, неслась остальная орава.

Чан Я, пытаясь ослабить хватку, вцепился обеими руками в корни собственных волос. Его ноги бестолково скользили по земле, оставляя глубокие борозды. К счастью, до хижины было рукой подать. Оказавшись внутри, Фу Лоу с силой толкнул его — Чан Я отлетел в сторону и повалился на бок. Он содрал ладони о камни и песок, прежде чем успел упереться в пол.

Фу Лоу лениво пнул его носком сапога.

— А ну вставай! Хватит тут дохляка из себя строить.

Чан Я закашлялся от поднявшейся пыли. В живот больно впился какой-то острый камень. Саднящие ладони отошли на второй план — его затошнило. Он несколько раз судорожно дернулся в сухих позывах, но желудок был пуст.

Фу Лоу брезгливо отскочил, боясь испачкать одежду, и несколько раз сплюнул в сторону. В этот момент подоспели остальные. Глядя на жалкий вид Чан Я, они сияли от восторга.

— Господин Лоу, как будем играть? — нетерпеливо спросил один из мальчишек.

— Да, господин Лоу, только скажите! Что прикажете, то и сделаем!

Поначалу Фу Лоу хотел заставить кого-то из прихвостней проверить «маленькое чудовище», но, видя, что того только мутит, немного успокоился. В конце концов, он здесь главный — негоже лидеру ехать на «коне», которого уже объездил кто-то другой.

Задрав подбородок, он надменно указал на Чан Я, скорчившегося на полу:

— Сегодня я буду ездить верхом вот на этой кляче.

— Будет сделано! — подпевалы, привыкшие ловить каждое слово жоака, тут же набросились на Чан Я.

Несмотря на его сопротивление, они вывернули ему руки и силой поставили на четвереньки, заставляя изображать лошадь. Чан Я, задыхаясь от унижения, отчаянно извивался.

— Отпустите! Отпустите меня!..

В порыве ярости он извернулся и впился зубами в плечо мальчишки, который прижимал его к земле. Тот взвизгнул от боли, мгновенно разжал руки и, осыпая Чан Я проклятиями, наотмашь влепил ему пощечину. От удара челюсть Чан Я клацнула, он невольно прикусил язык. Во рту тут же разлился соленый привкус крови, а щека вспыхнула жаром.

— Сукин сын! Кусаться вздумал?! — разъяренный парень замахнулся снова, желая выплеснуть обиду.

— Хватит тебе! — осадил его другой, удерживавший Чан Я за локоть. — Не вздумай пришибить его, а то испортишь господину всё веселье.

Сейчас Чан Я был полностью подавлен: несколько пар рук намертво прижали его к холодному полу. Волосы, растрепавшиеся еще в лапах Фу Лоу, грязными паклями свисали на лицо. Разбитая щека на глазах багровела и опухала, а одежда после падений превратилась в жалкие лохмотья.

Фу Лоу наблюдал за этой сценой с ленивым интересом. Он лишь слегка поморщился, опасаясь, как бы кровь не брызнула на его полы. Убедившись, что «конь» усмирен, он подошел ближе.

Стоило Фу Лоу усесться на спину Чан Я, как тот едва не ткнулся носом в землю. Главварь был выше и куда массивнее сверстников — в нем было добрых семьдесят килограммов веса. Под этой тяжестью Чан Я стало трудно дышать.

Врожденная жестокость Фу Лоу требовала выхода, и унижение слабого доставляло ему почти физическое удовольствие. У него не было коварства взрослых, лишь прямолинейная, первобытная жажда власти. Пощечина или подножка — для него всё это было лишь забавой.

— Но-о! Пошел! — Фу Лоу пришпорил его пятками, заставляя ползти.

Если бы не прихвостни, удерживавшие Чан Я за руки и ноги, он бы рухнул в ту же секунду. Колени болезненно скребли по песку и щебню, сдирая кожу в кровь. Чан Я до хруста сцелил зубы, не позволяя ни единому стону вырваться наружу.

Видя, что «лошадка» еле движется, Фу Лоу быстро заскучал, но отказать себе в удовольствии покуражиться не мог. Он то и дело выкрикивал команды, хлопая ладонью по спине Чан Я,

словно хлеща кнутом.

Из-за того, что седок постоянно ерзал, руки Чан Я то и дело проскальзывали. Крупные песчинки впивались в содранные ладони, вызывая жгучую боль, от которой он непроизвольно заплакал. Силы окончательно оставили его. Он больше не мог бороться. Один против восьмерых — это было невозможно. Но и молить о пощаде он не собирался. Боль можно перетерпеть. Слезы можно проглотить. Главное — не дать им услышать свой плач.

Наконец, когда руки Чан Я окончательно затряслись и он повалился на живот, Фу Лоу брезгливо пнул его в бок.

— Какая никчемная скотина. Тьфу, мусор.

Поскольку дело шло к вечеру, Фу Лоу решил, что пора закругляться — дома его ждала суровая старшая сестра, которая за опоздание могла и уши оборвать. Оправив складки на халате, он направился к выходу, даже не взглянув на распростертого мальчишку.

— Можете поразвлечься с этим уродом, — бросил он через плечо.

Мелкие сошки, подобострастно кланяясь, проводили жожака.

— Доброго пути, господин Лоу!

— Какая выучка! — поддакнул самый льстивый. — Вы из этого монстра все жилы вытянули, он теперь как кусок грязи.

Фу Лоу самодовольно усмехнулся и, не оборачиваясь, помахал рукой, воображая себя великим героем, уходящим в закат.

Как только он скрылся, остальные снова обступили Чан Я. Тот уже успел приподняться и теперь сидел, обхватив колени руками. Он едва дышал, а конечности онемели, так что о побеге не могло быть и речи. Он лишь затравленно смотрел на обидчиков, пытаясь сдержать дрожь во всем теле.

Парни переглянулись. Каждому хотелось урвать свой кусок «веселья», пока не пришло время возвращаться по домам. Один из них грубо толкнул Чан Я на пол и, прижав его голову к земле, взобрался на него. Они сменяли друг друга, поспешно «объезжая» свою жертву. Им было плевать, что Чан Я уже не сопротивлялся — им важно было удовлетворить свою мелочную злобу.

За всё это время Чан Я издал лишь один короткий вскрик в самом начале. Потом — только тишина и намертво сжатые губы.

Вдоволь натешившись, мальчишки напоследок наградили его пинками и состроили мерзкие рожи.

— Маленькое чудище, каково это — когда на тебе ездят?

— Так тебе и надо, ползай в пыли!

— Смотри в оба, выродок, в следующий раз так легко не отделаешься!

Они умчались гурьбой, оставив Чан Я одного в полутьме лачуги. И только тогда первая слеза скатилась по его щеке. Он широко открыл глаза, пытаясь остановить этот поток, чтобы не захлебнуться в собственном горе здесь, в этом проклятом месте.

Превозмогая боль в теле, которое, казалось, вот-вот рассыплется, Чан Я с трудом поднялся. Сгущались сумерки, а ему еще нужно было купить муку и рис. Торопливо пригладив волосы и кое-как отряхнув пыль с одежды, он поспешил к лавке.

У входа приказчик Ян Шидэ уже убирал товар. Чан Я, едва переводя дух, подбежал к нему:

— Брат Ян, подожди! Ты взвесил мне рис и муку? Я пришел заплатить.

Ян Шидэ поднял голову и удивленно вскинул брови:

— Ох, где же ты пропадал? Весь сегодняшний товар уже распродан! — Тут он заметил багровое пятно на лице мальчика. — Постой, Чан Я, что это у тебя с щекой?

Мальчик инстинктивно прикрыл лицо рукой.

— Ничего... пустяки...

— Что там за шум? — из глубины лавки вышел высокий, крепко сбитый мужчина лет сорока с цепким взглядом — хозяин рисовой лавки.

Ян Шидэ отступил, уступая место главе:

— Хозяин, это Чан Я за мукой пришел, да только у нас всё закончилось.

Тот окинул Чан Я внимательным взглядом, немного подумал и сказал:

— Послушай, малец, у меня в закромах еще осталось немного для личных нужд. Пусть Шидэ

взвесит тебе из моих запасов, идет?

Чан Я, уже потерявший надежду, не поверил своим ушам.

— Да, конечно! Спасибо большое, господин! — Он низко поклонился.

Когда рука мальчика опустилась, хозяин тоже увидел отек на его лице.

— Сильно болит?

— Нет, всё в порядке, — Чан Я покачал головой и снова спрятал лицо.

Хозяин не стал расспрашивать дальше и велел Ян Шидэ принести мешок. Вскоре приказчик вернулся с увесистой ношей. Когда Чан Я потянулся за кошельком, хозяин поначалу отказывался брать деньги, но мальчик настоял. Он не мог пользоваться добротой человека и брать товар даром — дедушка всегда учил его платить по счетам.

В конце концов, Чан Я расплатился и пустился в обратный путь. Когда он добрался до «Крючковой луны», было уже совсем темно. У ворот он увидел знакомую фигуру, вглядывающуюся в сумрак. Это был Цэнь Сяолу.

Чан Я прошел мимо него, не проронив ни слова. Сяолу, который прождал здесь не один час и уже собирался идти на поиски, лишь молча последовал за ним во двор. В его глазах читалось неприкрытое беспокойство.

— Чан Я, ты...

Мальчик внезапно замер, и Сяолу осекся на полуслове.

— Отнеси это на кухню, — глухо бросил Чан Я. — И передай дедушке... скажи, что Я-эр сегодня провинился, поэтому ужинать не придет.

Не дожидаясь ответа, он сбросил мешок с плеч и быстро скрылся в своей комнате. Сяолу долго смотрел на закрывшуюся дверь, после чего поднял припасы и поплелся на кухню.

Оказавшись в одиночестве, Чан Я забился под одеяло и дал волю слезам. Он плакал долго, пока не кончились силы. Обида душила его, слезы градом катились по щекам, пропитывая подушку. Тело ныло, разбитая щека и ладони горели огнем, но он даже не хотел вставить, чтобы промыть раны. Ему хотелось просто исчезнуть, лишь бы не чувствовать эту липкую тяжесть на сердце.

На кухне Чан Фулянь отложил палочки.

— Сяолу, оставь кусочек лепешки. Я-эр наверняка проголодается к ночи.

— Хорошо, — кивнул тот.

Когда старик ушел, Цэнь Сяолу тоже закончил трапезу и прибрал со стола, оставив миску жидкой каши и лепешку.

В час Собаки Сяолу вышел из своей комнаты. Увидев, что под дверью Чан Я всё еще теплится слабый свет свечи, он подошел и тихо постучал.

— Чан Я.

Ответа не последовало. Помедлив, Сяолу опустил руку и ушел на кухню.

Через пару минут он вернулся, неся миску дымящейся каши, накрытую лепешкой. Снова тихий стук. В комнате было подозрительно тихо. Сяолу нерешительно толкнул дверь — она оказалась не заперта.

Он бесшумно проскользнул внутрь и прикрыл за собой дверь. Свеча на краю стола догорала, бросая дрожащие тени на кровать, где под одеялом угадывался маленький комок. Сяолу знал, что Чан Я не спит. Он поставил миску на стол и обернулся.

Из-под одеяла донесся приглушенный, охрипший голос:

— Уходи.

Сяолу проигнорировал приказ и подошел к кровати.

— Я сказал — уходи!

Почувствовав, как матрас прогнулся под чужим весом, Чан Я сжался еще сильнее. Аура Сяолу раздражала его, он не хотел, чтобы его видели в таком состоянии.

— Я принес ужин, — ровным голосом произнес Сяолу. — Дедушка оставил для тебя.

Сердце Чан Я болезненно сжалось. Он крепче вцепился в одеяло, но промолчал.

— Каша еще теплая, — продолжал Сяолу.

Чан Я прижал руку к пустому животу.

— Там еще лепешка. Всухомятку тяжело, лучше запивать кашей.

Чан Я уже был готов отбросить одеяло и взорваться от негодования, но тут тяжесть на кровати исчезла. В комнате стало чуть светлее — тень Сяолу сместилась. И прежде чем мальчик успел что-либо сообразить, под одеяло проскользнула теплая ладонь и на мгновение коснулась его припухшей щеки. Легкое, почти невесомое прикосновение — и рука тут же исчезла.

«Цэнь... Цэнь Сяолу?! Он что, только что меня потрогал?!»

Чан Я замер в полном оцепенении. Сердце бешено заколотилось от шока. Этот парень совершенно не слушал, что ему говорят! Терпение лопнуло. Чан Я рывком откинул одеяло, готовый выплеснуть всё негодование, плевать, что он выглядит сейчас жалко — но комната была пуста. Сяолу и след простыл.

Чан Я в сердцах взлохматил волосы и рухнул обратно на подушку, уставившись в потолок. Однако через минуту его нос невольно дернулся — по комнате поплыл манящий аромат еды.

«В конце концов, глупо морить себя голодом из-за этих идиотов», — решил он и, ворча под нос, выбрался из постели.

<http://bllate.org/book/17545/1708902>